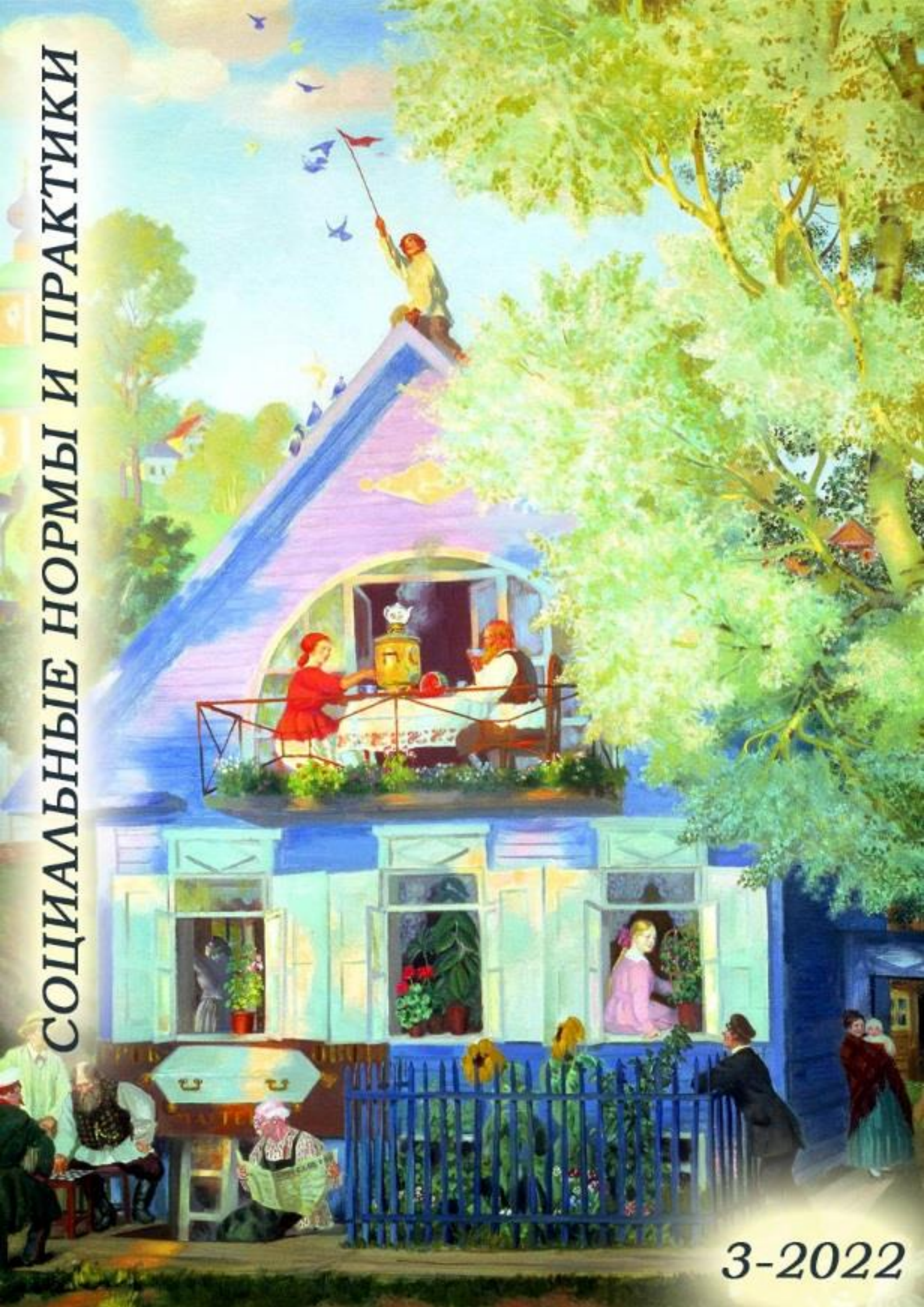

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКИ

3-2022

Главный редактор: Коваль Е.А. (Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Саранск, Россия)

Редакционная коллегия:

Беляева Е. В. – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Жадунова Н. В. – кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Зимбули А. Е. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;

Каминский А. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета;

Кулешова Г. П. – доктор социологических наук, профессор, директор Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Логонов А. В. – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Осмонова Н. И. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Киргизская (Кыргызская) Республика);

Подольный Н. А. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Романовский Г. Б. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право» Пензенского государственного университета;

Саликжанов Р. С. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан);

Спринчан С. Л. – доктор хабилитат политических наук, доцент, ученый секретарь Института юридических, политических и социологических исследований (г. Кишинев, Республика Молдова);

Сулов И. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии;

Сычев А. А. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Ушкин С. Г. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»;

Федосеев Р. В. – доктор исторических наук, доцент, исполняющий обязанности заместителя директора по учебной работе Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Фофанова К. В. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Чекушкина Е. Н. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева;

Шапиро Л. Г. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии;

Шигуров А. В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Юрченкова Н. Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и философии Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске.

Периодичность: 4 раза в год.

Выходит с 2019 года. До 2021 года журнал выходил под названием «Российский хороший журнал».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:
ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Адрес редакции: Российская Федерация, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, д.6
e-mail: snpractice13@gmail.com;
сайт: <https://snpractice.ru/>

Social norms and practices

2022. № 3 (5)

Editor-in-Chief: Ekaterina A. Koval (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia

Editorial Board:

Elena V. Belyaeva (Belarusian State University), Minsk, Belarus;

Natalya V. Zhadunova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Andrey E. Zimbuli (Herzen State Pedagogical University of Russia), St. Petersburg, Russia;

Alexander M. Kaminsky (Udmurt State University), Izhevsk, Russia;

Galina P. Kuleshova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Alexander V. Loginov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nurgul I. Osmonova (Kyrgyz-Russian Slavic University), Bishkek, Kyrgyzstan;

Nikolay A. Podolny (Kazan Law Institute (branch) of of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kazan, Russia;

Georgy B. Romanovsky (Penza State University), Penza, Russia;

Rinat S. Salikzhanov (L.N. Gumilyov Eurasian National University), Nur-Sultan, Kazakhstan;

Sergey L. Sprinchan (Institute of Legal, Political and Sociological Research, The Academy of Sciences of Moldova) Kishinev, Moldova;

Ivan V. Suslov (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Andrey A. Sychev (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Sergey G. Ushkin (Scientific Centre for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia), Saransk, Russia;

Roman V. Fedoseev (Kazan Law Institute (branch) of of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Katerina V. Fofanova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Elena N. Chekushkina (Yevseyev Mordovia State Pedagogical University), Saransk, Russia;

Ludmila G. Shapiro (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Alexander V. Shigurov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nina G. Yurchonkova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia.

Founder: All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Publisher: Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Frequency: 4 times per year

First issue: 2019. Until 2021, the journal was published under the name «Russian Good Journal».

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. EL № FS 77 — 74637 on December 24, 2018

Editorial address: 6 Fedoseenko Str., Saransk 430003, Russian Federation
e-mail: snpractice13@gmail.com;
website: <https://snpractice.ru/>.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Шигуров А.В., Шигурова Е.И.* Проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложному сообщению об акте терроризма 7
- Шигурова Е.И., Шигуров А.В.* Отдельные проблемы реализации гарантий прав человека при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве 17

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

- Айзятова Л.Ф., Дегтева А.В.* Анализ преступных деяний женщин в социально-бытовой сфере 25
- Дябденков Э.В.* Проблемные вопросы рассмотрения и разрешения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на примерах судебной практики 35

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- Коваль Е.А.* Межрелигиозный диалог как фактор евразийской интеграции 41

TABLE OF CONTENTS

LEGAL SCIENCES

<i>Shigurov A.V., Shigurova E.I.</i> Problems of criminal legal counteraction to a known false report on an act of terrorism	7
<i>Shigurova E.I., Shigurov A.V.</i> Separate problems of the implementation of human rights guarantees in the application of coercive measures in criminal proceedings	17

LEGAL SCIENCES: YOUNG SCIENTISTS

<i>Azyatova L.F., Degteva A.V.</i> Analysis of criminal acts of women in the social sphere	25
<i>Dyabdenkov E.V.</i> Problem issues of consider and permissions of investigator's petition on the choice of preventive measure of remand in custody on examples of judicial practice	35

PHILOSOPHICAL SCIENSES

<i>Koval E.A.</i> Interreligious dialogue as a factor of Eurasian integration	41
---	----

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2713-1033-2022-3-07-16

А. В. Шигуров

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: arshigurov@mail.ru

Е. И. Шигурова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: shigurova_elena@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОМУ СООБЩЕНИЮ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

В статье рассмотрен ряд актуальных проблем, возникающих при применении института уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Обосновывая актуальность совершенствования уголовно-правовых мер противодействия данным преступлениям, авторы обращают внимание на их распространенность и значительный вред обществу и государству, в особенности от скоординированных преступными группами, расположенными за границей Российской Федерации, волн телефонного терроризма, которые требуют усилий множества экстренных служб, отвлекают их от выполнения профессиональных обязанностей и влекут за собой значительные расходы государственных и частных организаций.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма должно быть отнесено к преступлениям террористической направленности, если оно совершено в целях воспрепятствования деятельности органов власти, воздействия на данные органы, устрашения населения, т.е. ч. 3 и 4 ст. 207 УК РФ во всех случаях, а ч. 1 и 2 ст. 207 УК РФ в зависимости от преступного мотива. Это будет соответствовать понятию терроризма из п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму».

Также авторы предлагают при разработке методики деятельности правоохранительных органов по проверке сообщений о терактах учесть признаки, свидетельствующие о заведомо ложных сообщениях (использование зарубежных IP-адресов и телефонных номеров, массовый и шаблонный характер сообщений, отсутствие результатов при проверке первых сообщений). Наличие сразу нескольких признаков из числа вышеуказанных должно позволять руководителям органов, осуществляющих проверку данных сообщений, с учетом особенностей конкретной ситуации принимать решения о проведении

проверки без эвакуации граждан, чтобы воспрепятствовать достижению целей таких атак «телефонных террористов».

Кроме того, авторы, опираясь на сложившуюся судебную практику, предлагают исключить из ч. 1 ст. 270 УК РФ словосочетание «совершенное из хулиганских побуждений». Это позволит вновь криминализировать любые заведомо ложные сообщения о терактах, независимо от побуждений (мотивов) преступника и вернет судебно-следственную практику к «классическому» пониманию хулиганских побуждений.

Ключевые слова: уголовное право, Уголовный кодекс РФ, заведомо ложное сообщение, акт терроризма, телефонный терроризм, хулиганские побуждения, противодействие.

A. V. Shigurov

Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
Saransk, Russia, e-mail: arshigurov@mail.ru

E. I. Shigurova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: shigurova_elen@mail.ru

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO A KNOWN FALSE REPORT ON AN ACT OF TERRORISM

The article considers a number of topical problems that arise in the application of the institution of criminal liability for knowingly false reporting of an act of terrorism. Substantiating the relevance of improving criminal law measures to counteract these crimes, the authors draw attention to their prevalence and significant harm to society and the state, especially from waves of telephone terrorism coordinated by criminal groups located outside the Russian Federation, which require the efforts of many emergency services, distract them from the performance of professional duties and entail significant costs for public and private organizations.

The study led to the conclusion that a deliberately false report about an act of terrorism should be classified as a terrorist crime if it is committed in order to obstruct the activities of government bodies, influence these bodies, intimidate the population, i.e. Parts 3 and 4 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation in all cases, and parts 1 and 2 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the criminal motive. This will correspond to the concept of terrorism from paragraph 1 of Article 3 of the Federal Law "On Combating Terrorism".

The authors also propose, when developing a methodology for the activities of law enforcement agencies to check reports of terrorist attacks, to take into account the signs that indicate deliberately false messages (the use of foreign IP addresses and telephone numbers, the mass and stereotyped nature of messages, the lack of results

when checking the first messages). The presence of several signs from among the above at once should allow the heads of the bodies that check these messages, taking into account the specifics of a particular situation, to make decisions on conducting checks without evacuating citizens in order to prevent the achievement of the goals of such attacks by "telephone terrorists".

In addition, the authors, based on the established judicial practice, propose to exclude from Part 1 of Article 270 of the Criminal Code of the Russian Federation the phrase "committed from hooligan motives." This will re-criminalize any deliberately false reports of terrorist attacks, regardless of the perpetrator's motives, and will return judicial and investigative practice to the "classic" understanding of hooligan motives.

Keywords: criminal law, the Criminal Code of the Russian Federation, a deliberately false message, an act of terrorism, telephone terrorism, hooligan motives, counteraction.

Введение. Одним из общественно опасных посягательств на общественную безопасность является заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Актуальность исследования уголовно-правовых средств противодействия данному преступлению обусловлена неоднократным изменением действующего законодательства. Федеральными законами в 2017, 2011, 2010, 2009, 2003 гг. формулировки статьи 207 УК РФ¹ были существенно изменены, в результате чего преступление было, как мы считаем, необоснованно исключено из перечня преступлений террористического характера².

Внесенные изменения игнорируют сложившуюся практику неоднократного использования так называемого «телефонного терроризма» для устрашения населения [Нуянзин, Илюшкин, Крысин, 2018: 72], воспрепятствования нормальной деятельности государственных, в том числе, правоохранительных органов. Волны подобных звонков или сообщений на электронную почту неоднократно распространялись по крупнейшим городам России, затрагивая социальные объекты, включая ВУЗы, школы, магазины, вокзалы, государственные органы и многие другие объекты, требуя скоординированных усилий множества экстренных служб, отвлекали их от выполнения профессиональных обязанностей и влекли за собой значительные расходы государственных и частных организаций, которые в целом по стране оцениваются представителями правоохранительных органов в миллиарды рублей ежегодно³.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

³ Заглушат всех: ФСБ сможет блокировать связь с другими странами. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/25/12776198.shtml> (дата обращения: 10.10.2022).

Таблица 1. Статистические данные судов общей юрисдикции о рассмотрении уголовных дел по ст. 207 УК РФ¹

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Поступило дел	744	788	768	990	906	869	848	733	777
Осуждено лиц	556	620	565	763	707	589	608	490	505
Прекращено дел по нереабилитирующим основаниям	97	72	40	50	59	95	73	79	61
Применены принудительные меры медицинского характера	40	73	74	97	92	97	108	114	126

По данным правоохранительных органов в последние годы заведомо ложные сообщения массово делаются с IP-адресов, телефонов Турции, Украины, Сирии, Казахстана, США². Поскольку целью таких преступлений является дестабилизация деятельности правоохранительных органов, создание паники, мы не должны идти на поводу у телефонных террористов, и в тех ситуациях, когда очевидна заведомая ложность сообщений, должен быть разработан и закреплен в нормативных актах механизм реагирования на них, исключающий отвлечение граждан, организаций от своей работы.

Признаками заведомой ложности сообщений являются использование зарубежных IP-адресов и телефонных номеров, массовый и шаблонный характер сообщений, отсутствие результатов при проверке первых сообщений. В таких случаях в приоритетном порядке должна проводиться проверка объектов, где теракты могут причинить наибольший вред, а при выявлении ложности сообщений последующие проверки уже должны проводиться без эвакуации граждан.

Необходимость разработки проблем противодействия экстремистской, террористической деятельности неоднократно обосновывалась научным сообществом [Подольный, Бурова, Коваль, 2016: 90]. Ограничение в объеме статьи позволяет нам рассмотреть подробнее лишь проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложным сообщениям об акте терроризма, обусловленные включением законодателем хулиганских побуждений в качестве обязательного элемента состава данного преступления. Считаем неправильным данное изменение ст. 207 УК РФ.

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0> (дата обращения: 10.10.2022). Частично приведенные данные и их анализ использовались авторами в предыдущей публикации [Шигуров, Шигурова, 2020].

² Заглушат всех: ФСБ сможет блокировать связь с другими странами. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/25/12776198.shtml> (дата обращения: 10.10.2022).

Методы. В данном исследовании были использованы формально-юридический, исторический и иные методы научного познания [Матюшкина, Айзятова, 2021].

Результаты. Рассматриваемые изменения в ст. 207 УК РФ были внесены Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ¹, вступившим в силу с 11 января 2018 г.

В действующей редакции ст. 207 УК РФ преступными признаются заведомо ложные сообщения об акте терроризма, либо совершенные из хулиганских побуждений, либо имеющие своей целью дестабилизацию деятельности органов власти. В первом случае ответственность наступает по ч. 1, 2, 4 ст. 207 УК РФ, во втором – по ч. 3, 4 ст. 207 УК РФ. При квалификации также подлежат учету объект (предмет) преступного посягательства и наличие тяжких последствий совершенного деяния.

Рассматриваемая новелла уже критиковалась нами ранее [Шигуров, Шигурова, 2020: 36]. Отметим в дополнение, что заведомо ложные сообщения об акте терроризма редко совершаются в чистом виде из хулиганских побуждений, т.е. когда у данного деяния нет какого-либо конкретного повода или они совершаются с использованием незначительного повода по причинам явного неуважения к обществу и правилам поведения в нем с целью противопоставить себя окружающим и продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение.

Об этом свидетельствует практика, сформировавшаяся до 2017 г., где в редких решениях отмечается хулиганский мотив. Зачастую, преступления совершаются лицом из мести за конкретные действия в отношении него представителей организации, которые преступник считает несправедливыми и пытается помешать деятельности этой организации². Так, например, Т., изблеченный органами расследования в заведомо ложном сообщении о минировании общежития, объяснял свои действия тем, что он столкнулся с «незаконными» действиями администрации района и общежития, которые сначала отказались ремонтировать его комнату, а потом «незаконно» выселили его, не давая забрать свои вещи³.

Заведомо ложные сообщения делались, чтобы задержать поезд, самолет на

¹ О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2017 № 501-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 85.

² Приговор Первомайского районного суда г. Омска от 8.07.2010 по уголовному делу № 1-321/2010 // Первомайский районный суд г. Омска. URL: https://pervomaycourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11788012&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.10.2022).

³ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.08.2011 по делу № 1-179/11. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

вокзале (в аэропорту)¹, помешать нормальной деятельности органа власти². Несовершеннолетние таким образом «доказывают» окружающим свою смелость или шутят³.

В современных судебных решениях, где в качестве основного мотива суды вынуждены вставлять выводы о хулиганских побуждениях, также можно найти доказательства того, что фактически у правонарушителей были иные мотивы заведомо ложных сообщений о терактах.

Так, например, Н.М.М. признана виновной по ч. 1 ст. 207 УК РФ с указанием хулиганских побуждений, хотя из показаний подсудимой и свидетелей следует, что она таким образом пыталась добиться скорейшего приезда полиции для защиты ее знакомого, поссорившегося с соседом (она опасалась, что на обычный звонок полиция будет ехать долго и за это время будет причинен вред здоровью)⁴.

П.В.В., нервничавший в связи с отсутствием в доме более недели горячей воды и бездействием управляющей организации, своим звонком о минировании бойлерной хотел привлечь внимание контрольных органов к данной проблеме. Новгородский районный суд Новгородской области усмотрел в данных действиях хулиганские побуждения⁵.

Таких примеров можно приводить много. Еще больше приговоров по ст. 207 УК РФ, в которых непонятно, что же фактически двигало преступником. При этом наличие у лица, сообщавшего о теракте в ночном клубе, магазине, школе и др., семьи, детей, положительных характеристик с места работы заставляет сомневаться, что единственная причина совершенного преступления – это желание противопоставить себя обществу.

На наш взгляд, сформировавшаяся практика «установления» хулиганских побуждений во всех случаях заведомо ложных сообщений о терактах

¹ Приговор Новосибирского гарнизонного военного суда от 14.11.2012 по уголовному делу № 1-79/2012 // Новосибирский гарнизонный военный суд. URL: https://gvs--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23041039&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.10.2022).

² Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 25.12.2012 по делу № 2-51/2012. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

³ Приговор Истринского городского суда Московской области от 20.07.2012 по уголовному делу № 1-158/2012 // Истринский городской суд Московской области. URL: https://istra--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=368658560&_uid=&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 10.10.2022).

⁴ Приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 16.08.2022 по уголовному делу № 1-377/2022 // Дзержинский районный суд г. Оренбурга. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html#id=f2b6490f08e0b2b55affaa51481714e1&shard=Уголовные дела&> (дата обращения: 10.10.2022).

⁵ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 27.07.2022 по делу № 1-335/2020 // Новгородский районный суд Новгородской области. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html#id=5569a4e9334e8ae110f80dcaaf9390&shard=Уголовные дела&> (дата обращения: 10.10.2022).

противоречит классическому пониманию преступления, совершенного из хулиганских мотивов или побуждений, и вынужденно сформирована вследствие того, что иные побуждения кроме хулиганских (ч. 1, 2, 4) и дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3 и 4) действующей редакцией ст. 207 УК РФ декриминализованы.

В современной науке подробно рассматривалась практика судебного нормотворчества как деятельность судов, обусловленная несовершенством российского законодательства и имеющая различные формы, в том числе издания Постановлений Пленума Верховного Суда РФ [Чунина, 2022: 11; Чунина, 2021: 297]. Однако, особенность рассматриваемой ситуации в том, складывающаяся практика противоречит традиционным подходам Верховного Суда РФ. В подтверждение классического понимания хулиганских побуждений приведем позиции Пленума Верховного Суда РФ, когда деяния признаются совершенными с хулиганскими побуждениями, если они совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода¹, по причине явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение.

В тех случаях, когда преступные действия имеют конкретную причину, в том числе, обусловлены конфликтом, возникшим между обвиняемым и потерпевшим, хулиганские побуждения отсутствуют.

Как видим, применительно к ст. 207 УК РФ правоохранительные органы «вынуждено» идут на изменение вышеуказанного подхода, считая невозможным освободить от уголовной ответственности лиц, делавших заведомо ложные сообщения об акте терроризма, из других побуждений, вызванных конкретным конфликтом между правонарушителем и потерпевшим.

Считаем, что данную проблему необходимо решать путем исключения из ч. 1 ст. 270 УК РФ словосочетания «совершенное из хулиганских побуждений».

В дополнение отметим и то обстоятельство, что уголовное преследование лиц, нарушающих общественный порядок путем распространения сведений о терактах, независимо от мотивов подобных деяний, соответствует и международной практике. Приведем в качестве примера уголовное законодательство Федеративной Республики Германия. Ст. 126 Уголовного уложения ФРГ предусматривает одинаковое уголовное наказание как для лиц, нарушающих общественное спокойствие угрозами совершения террористических и ряда иных тяжких преступлений, так и для лиц, распространяющих заведомо ложные сведения о том, что данные преступления будут совершены [Головненков, 2021]. За данные деяния предусмотрено

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Российская газета. 2007. 21 ноября.

наказание в виде лишения свободы до 3 лет или денежный штраф. Мотивы вышеуказанных деяний преступников не имеют значения для квалификации. Важно лишь то, выбран ли способ распространения заведомо ложных сообщений, пригодный для того, чтобы повлечь нарушение общественного спокойствия.

Исключение хулиганских побуждений из ч. 1 ст. 207 УК РФ «базового» состава данного преступления, со ссылкой на которое определяются признаки преступления и в ч. 2, 4 ст. 207 УК РФ, позволит вновь криминализировать любые заведомо ложные сообщения о готовящихся актах терроризма, независимо от мотивов преступника.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов и предложений.

1. Методика деятельности правоохранительных органов по проверке сообщений о терактах должна учитывать признаки, свидетельствующие о заведомо ложных сообщениях (использование зарубежных IP-адресов и телефонных номеров, массовый и шаблонный характер сообщений, отсутствие результатов при проверке первых сообщений). Наличие сразу нескольких признаков из числа вышеуказанных должно позволять руководителям органов, осуществляющих проверку данных сообщений, с учетом особенностей конкретной ситуации принимать решения о проведении проверки без эвакуации граждан, чтобы воспрепятствовать достижению целей таких атак «телефонных террористов».

2. Предлагаем исключить из ч. 1 ст. 207 УК РФ словосочетание «совершенное из хулиганских побуждений». Это позволит вновь криминализировать любые заведомо ложные сообщения о терактах, независимо от побуждений (мотивов) преступника, и вернет судебно-следственную практику к «классическому» пониманию хулиганских побуждений.

Список литературы (References)

1. Головненко П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2021 // Потсдамский университет. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

Golovnenkov P.V. (2021) Ugolovnoe ulozhenie Federativnoj Respubliki Germanija: nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona (Criminal code of the Federal Republic of Germany: scientific and practical commentary and translation of the text of the law). Potsdam, 2021 // University of Potsdam. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (accessed 10.10.2022) (In Russ.)

2. Матюшкина А.В., Айзятова Л.Ф. О некоторых перспективах формирования современных методик расследования преступлений // Проблемы права. 2021. № 2 (81). С. 62-67.

Matyushkina A.V., Aizyatova L.F. (2021) O nekotoryh perspektivah formirovaniya sovremennyh metodik rassledovaniya prestuplenij (On some prospects for the formation of modern methods of investigating crimes). *Problems of Law*. No. 2 (81). P. 62-67. (In Russ.)

3. Нуянзин А.Ю., Илюшкин С.С., Крысин В.А. Киберпреступность как одна из актуальных проблем уголовного права // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Материалы межвузовской науч.-практ. конф. Тула: Тульский ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 72-83.

Nuyanzin A.Yu., Ilyushkin S.S., Krysin V.A. (2018) Kiberprestupnost' kak odna iz aktual'nyh problem ugovornogo prava (Cybercrime as one of the urgent problems of criminal law). *Actual problems of combating crime. Proc. of the interuniversity Sci. Pract. Conf.* Tula: Tula Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). P. 72-83. (In Russ.)

4. Подольный Н.А., Бурова Ю.В., Коваль Е.А. Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: итоги конференции // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 4 (16). С. 90-99.

Podolny N.A., Burova Yu.V., Koval E.A. (2016) Nacional'naja bezopasnost' v sovremennoj Rossii: strategija protivodejstvija jekstremizmu i terrorizmu i perspektivy preodolenija global'nyh problem: itogi konferencii (National security in modern Russia: a strategy for countering extremism and terrorism and prospects for overcoming global problems: results of the conference). *Nauka. Society. State*. Vol. 4. No. 4 (16). P. 90-99. (In Russ.)

5. Чунина М.С. Роль судебного нормотворчества в совершенствовании законодательного регулирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 4 (137). С. 11-24.

Chunina M.S. (2022) Rol' sudebnogo normotvorchestva v sovershenstvovanii zakonodatel'nogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii (The role of judicial rule-making in improving legislative regulation in the Russian Federation). *Actual problems of Russian law*. Vol. 17. No. 4 (137). P. 11-24. (In Russ.)

6. Чунина М.С. Судебное нормотворчество высших судов Российской Федерации как средство достижения определенности права // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 297-300.

Chunina M.S. (2021) Sudebnoe normotvorchestvo vysshih sudov Rossijskoj Federacii kak sredstvo dostizhenija opredelennosti prava (Judicial rule-making of the highest courts of the Russian Federation as a means of achieving the certainty of law). *State Legal Research*. No. 4. P. 297-300. (In Russ.)

7. Шигуров А.В., Шигурова Е.И. Проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложным сообщениям об акте терроризма, совершаемым несовершеннолетними // Гуманитарные и политико-правовые

исследования. 2020. № 2 (9). С. 36-44.

Shigurov A.V., Shigurova E.I. (2020) Problemy ugovolno-pravovogo protivodejstviya zavedomo lozhnym soobshhenijam ob akte terrorizma, sovershaemym nesovershennoletnimi (Problems of criminal law counteraction to deliberately false reports of an act of terrorism committed by minors). *Humanitarian and political and legal research*. No. 2 (9). P. 36-44. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Шигуров Александр Викторович – заведующий кафедрой уголовнопроцессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Шигурова Елена Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия прокурорского надзора юридического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

E-mail: shigurova_elena@mail.ru

About the authors:

Shigurov Alexander Viktorovich – Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), PhD in Law, Associate Professor. Engaged in the study of the problems of criminal justice. Author of more than 100 scientific and educational works.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Shigurova Elena Ivanovna – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice, Prosecutorial Supervision, Faculty of Law, National Research Mordovia State University. Engaged in the study of the problems of criminal proceedings. Author of more than 100 scientific and educational works.

E-mail: shigurova_elena@mail.ru

Поступила 11.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2713-1033-2022-3-17-24

Е. И. Шигурова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: shigurova_elena@mail.ru

А. В. Шигуров

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: arshigurov@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы обеспечения прав человека в случае задержания лица по подозрению в совершении преступления и избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Проблемными остаются вопросы обоснованности и доказанности оснований для заключения под стражу подозреваемого и обвиняемого, начала и правильного исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления. Анализ действующего законодательства и практики его применения позволил сделать вывод о том, что основания для заключения под стражу должны быть обоснованы относимыми, допустимыми и достоверными доказательствами.

Обращено внимание на отсутствие в законе четкой регламентации сроков и последовательности действий должностных лиц на этапе доставления заподозренного лица. В уголовно-процессуальной литературе встречаются попытки обосновать необходимость отсчета времени задержания с момента доставления к следователю. Законодатель разграничивает фактическое и юридическое (с составлением протокола) задержание, первое из которых (фактическое задержание и доставление к следователю) вполне можно допустить до принятия решения о возбуждения уголовного дела. Поэтому предлагается законодательно унифицировать понятие фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Ключевые слова: гарантии, меры принуждения, задержание, заключение под стражу, подозреваемый, основания, условия.

E. I. Shigurova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: shigurova_elena@mail.ru

A. V. Shigurov

Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
Saransk, Russia, e-mail: arshigurov@mail.ru

SEPARATE PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS GUARANTEES IN THE APPLICATION OF COERCIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the issues of ensuring human rights in the event of a person being detained on suspicion of committing a crime and choosing a measure of restraint in relation to the suspected person in the form of remand in custody. Issues of validity and proof of the grounds for the remand in custody of the suspect and the accused, the beginning and correct calculation of the period of detention of a person on suspicion of committing a crime remain problematic. An analysis of the current legislation and the practice of its application led to the conclusion that the grounds for remand in custody must be substantiated by relevant, admissible and reliable evidence.

Attention is drawn to the absence in the law of a clear regulation of the timing and sequence of actions of officials at the stage of delivering a suspected person. In the criminal procedural literature there are attempts to justify the need to count the time of detention from the moment of delivery to the investigator. The legislator distinguishes between actual and legal (with the preparation of a protocol) detention, the first of which (actual detention and delivery to the investigator) may well be allowed before a decision is made to initiate a criminal case. Therefore, it is proposed to legislatively unify the concept of the actual detention of a person on suspicion of committing a crime.

Keywords: guarantees, coercive measures, detention, remand in custody, suspect, grounds, conditions.

Введение. Выявление, раскрытие, расследование преступлений и рассмотрение уголовного дела в суде неизбежно связано с ограничением правового положения лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. По своему содержанию ограничения должны соответствовать характеру и тяжести совершенного преступления, личности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, и отвечать критериям необходимости и достаточности для достижения назначения уголовного судопроизводства. Не утрачивает актуальности проблема обеспечения прав человека при избрании мер принуждения.

Методы. В ходе исследования проблем реализации гарантий прав человека при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве помимо общенаучных использовались такие методы научного познания, как формально-юридический, сравнительно-правовой и исторический.

Результаты. При применении любых мер принуждения, в том числе, уголовно-процессуального принуждения важно соблюдать следующие правила: во-первых, недопустимо ограничивать права и свободы личности при отсутствии для этого законной необходимости, подтверждаемой обстоятельствами дела; во-вторых, недопустимо игнорировать охраняемые законом интересы других лиц и не принимать меры принуждения для защиты охраняемых Конституцией РФ ценностей; в-третьих, важно соблюдать баланс охраняемых законом интересов государства, общества и личности при применении мер процессуального принуждения. Важной гарантией соблюдения данных правил и достижения такого баланса являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие основания и условия применения мер процессуального принуждения.

Под основаниями мер процессуального принуждения понимаются наиболее существенные и необходимые обстоятельства, отсутствие которых исключает возможность применения мер принуждения. Традиционно такие основания делятся на процессуально-правовые и материально-правовые.

Под первыми понимаются решения о применении соответствующей меры процессуального принуждения, принятые в соответствии с требованиями закона уполномоченными должностными лицами. Вторые – это сведения, позволяющие сделать вывод о ненадлежащем поведении участника уголовного процесса или возможности такого поведения, и признанные законодателем юридическими фактами для применения мер процессуального принуждения [Чебуренков, 2004: 28].

Высокие требования предъявляются к степени доказанности оснований для заключения под стражу. В соответствии с п. 29 Постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 суд обязан привести в решении об избрании данной меры пресечения конкретные обстоятельства, обосновывающие ее избрание, доказательства, подтверждающие их наличие, и дать им оценку. Это означает, что основания для заключения под стражу должны обосновываться прошедшими проверку относимыми, допустимыми и достоверными доказательствами.

Например, постановлением Ленинского районного суда г. Саранска от 25.11.2016 была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении Ю. на 2 месяца. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РМ отменила постановление суда первой инстанции и в своем постановлении указала, что по смыслу закона избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление. Такое решение было принято, так как представленные материалы не только не подтверждают обоснованность подозрения в причастности Ю. к преступлению, обстоятельства совершения которого изложены в постановлении о возбуждении уголовного

дела, но и не содержат сведений о том, что Ю. совершил такие действия, которые указывали бы на его причастность к преступлению, предусмотренному какой бы то ни было частью статьи 228.1 УК РФ. Ни в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, ни в самом судебном постановлении об избрании данной меры не указаны действия, которые, согласно диспозиции статьи 228.1 УК РФ, ему предъявляются как преступные; не указано, в чем усматривается его причастность к совершению преступления, по которому возбуждено данное уголовное дело. Более того, материалы дела содержали противоречивые сведения о месте совершения преступления. В постановлении о возбуждении уголовного дела этим местом указан участок около подъезда № 4 дома № 43 по ул. Ульянова г. Саранска, а согласно акту проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», справке о проведении наблюдения этим местом является другой участок местности, расположенный в 50 метрах от подъезда № 1 дома № 91 по ул. Ульянова г. Саранска¹.

Наряду с основаниями, возможность применения мер процессуального принуждения ограничивается путем законодательного определения условий применения данных мер. Если основание раскрывает фактическую причину ограничения прав человека конкретной мерой принуждения, то условия определяют юридические требования, которые служат гарантией законности данной меры и обеспечивают защиту прав человека.

Одной из важнейших гарантий прав человека является ограничение в соответствии с ч. 2 ст. 22 Конституции РФ срока задержания, осуществляемого до судебного решения: такой срок не может превышать 48 часов. Реализация данной гарантии осложняется отсутствием в законе четкой регламентации сроков и последовательности действий должностных лиц, осуществляемых на этапе доставления заподозренного лица.

В п. 11 ч. 1 ст. 5 УПК РФ указано, что под задержанием понимается «мера процессуального принуждения, которая применяется ... на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления». В п. 15 той же статьи момент фактического задержания определен как момент, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, фактически было лишено свободы передвижения в порядке, определенном УПК РФ. С одной стороны, данные нормы указывают на необходимость включения срока фактического задержания с момента фактического лишения свободы в общий 48-часовой срок задержания. С другой, законодатель, определяя в п. 15 ч. 1 ст. 5 УПК России понятие фактического задержания, говорит о фактическом лишении свободы, производимом в порядке, определенном УПК РФ, а в УПК РФ порядок доставления не регламентирован. А порядок лишения свободы

¹ Апелляционное постановление № 22-к-225 // Бюллетень Верховного Суда Республики Мордовия. 2016. № 2. С. 114.

начинает регламентироваться с момента доставления. С этого момента действия должностных лиц начинают регламентироваться ч. 1 ст. 92 УПК РФ.

Такая неточность законодателя приводит к тому, что в уголовно-процессуальной литературе встречаются попытки обосновать необходимость отсчета времени задержания с момента доставления к следователю (в орган дознания). Сам законодатель выделяет такие этапы задержания, как фактическое и юридическое (с составлением протокола), первый из которых (фактическое задержание и доставление к следователю) вполне можно допустить до принятия решения о возбуждения уголовного дела (так сейчас и происходит), тем более, что иного порядка по объективным причинам нельзя придумать [Шигуров, 2016: 27].

Уголовно-процессуальные действия, связанные с составлением протокола задержания, личным обыском, допросом задержанного необходимо проводить после возбуждения уголовного дела в связи с требованиями ст. 91, 144 УПК РФ. В противном случае, возникает возможность неограниченного по времени периода, когда лицо можно не доставлять к следователю и при этом «работать» с ним оперативникам и иным сотрудникам полиции в целях получения признания или иных сведений, помогающих раскрыть преступление. Нередко срок доставления (т.е. время от момента выявления правонарушения, ограничения свободы и до фиксации в журнале доставленных времени доставления) может растягиваться на несколько часов.

При этом анализ судебной практики показывает, что сотрудники могут уклоняться от обязанности сразу после доставления фиксировать этот момент в журнале. Так, например, решением Косинского районного суда было установлено, что гр. В. был задержан в 23 ч. 4 июля, доставлен в пункт полиции, удерживался там до 02.00 5 июля с применением наручников, после чего отпущен. С учетом допущенных нарушений и причиненного гр. В. морального вреда с Министерства финансов РФ в пользу данного гражданина была взыскана компенсация и расходы на услуги представителя¹.

Необходимость отсчета срока задержания с момента фактического лишения свободы закрепляется и в правовых позициях Конституционного Суда РФ.

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики показывает, что данные теоретические рассуждения и позиции Конституционного Суда РФ игнорируются органами расследования и судами общей юрисдикции. Так, например, Ягоднинский районный суд Магаданской области и Магаданский областной суд признали законными следующие действия по отношению к подозреваемому Д. 4 декабря 2014 г. он был фактически задержан оперативными сотрудниками Сусуманского ОМВД, в течение суток содержался в ОМВД по Ягоднинскому району. Спустя более 30 ч. после фактического доставления, 6

¹ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 21.07.2015 по делу № 33-7114-2015. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).

декабря в 3 ч. 20 мин. следователем был составлен протокол задержания. Временем фактического задержания в протоколе было обозначено 6 декабря 00 ч. 40 мин. В суде было доказано, что впервые Д. был доставлен 4 декабря. Однако суд первой инстанции сделал вывод о том, что в дальнейшем Д. находился в здании ОМВД добровольно вплоть до 6 декабря 00 ч. 40 мин., когда он был доставлен непосредственно следователю. До этого с ним работали оперативные сотрудники (сам Д. утверждал, что между мероприятиями он находился в здании, будучи пристегнут наручниками). Суд апелляционной инстанции, согласившись с судом первой инстанции, сделал еще два вывода: во-первых, срок доставления необходимо считать не с момента доставления в отдел полиции, а с момента доставления следователю; во-вторых, фактическое лишение свободы считается осуществленным за пределами уголовного судопроизводства, если его производили уполномоченные сотрудники в ходе административно-правовой или оперативно-розыскной деятельности¹.

С такими доводами мы не согласны. Никакого отдельного оперативно-розыскного лишения свободы подозреваемого закон не предусматривает. Если лицо лишено свободы (фактически задержано) оперативным работником по подозрению в совершении преступления, то должны действовать нормы УПК РФ и Приказа МВД РФ от 30.04.2012 № 389². Данный приказ, в частности, возлагает на сотрудников полиции, осуществивших доставление, обязанность составить рапорт. Оперативный дежурный должен незамедлительно выяснить обстоятельства факта задержания и доставления. Данный факт подлежит занесению в Книгу учета лиц, доставленных в дежурную часть. П. 20 Приказа предписывает оперативному дежурному обеспечить составление протокола задержания подозреваемых в сроки, указанные ст. 91, 92 УПК РФ; доложить о доставлении подозреваемых начальнику территориального органа МВД РФ и передать доставленное лицо сотруднику органа предварительного расследования. Таким образом, на основе данных актов можно сделать вывод, что нарушением процедуры задержания является доставление заподозренного человека и неведение об этом следователя, который ведет проверку по сообщению о преступлении.

Кроме того, протокол доставления должен составляться в течение 3 часов с момента доставления не только следователю, но и в орган дознания, а орган дознания в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ – это, в том числе, территориальный орган внутренних дел.

¹ Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 27.05.2015 по делу 22/к-263/2015 // Магаданский областной суд. URL: <https://magadanskij-oblastnoj-sud-magadanskaya-oblast-s/act-494750869/> (дата обращения: 29.09.2022).

² Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан. Приказ МВД России от 30.04.2012 № 389. Зарегистрировано в Минюсте России 26.06.2012 № 24696.

Заключение. С учетом вышеуказанной практики, необходимо уточнить положения УПК РФ, чтобы исключить неправильное их толкование. Предлагаем сформулировать п. 15 ч. 1 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «момент фактического задержания – момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, в том числе, момент фактического лишения свободы при доставлении лица для решения вопроса о его задержании». Данная формулировка позволит законодательно закрепить тот факт, что доставление заподозренного в совершении преступления лица, осуществляемое сотрудниками полиции, является составной частью уголовно-процессуального задержания.

Список литературы (References)

1. Чебуренков А.А. Виды поведения подозреваемого и обвиняемого, подтверждающие его причастность к преступлению (улики поведения) // Следователь. 2004. № 3. С. 27-30.

Cheburenkov A.A. (2004) Vidy povedenija podozrevaemogo i obvinjaemogo, podtverzhdashhie ego prichastnost' k prestupleniju (uliki povedenija) (Types of behavior of the suspect and the accused, confirming his involvement in the crime (evidence of behavior)). *Investigator*. No. 3. P. 27-30. (In Russ.)

2. Шигуров А.В. Проблемы реализации права обвиняемого (подозреваемого), содержащегося под стражей, на свидание с родственниками // Адвокатская практика. 2016. № 4. С. 24-28.

Shigurov A.V. (2016) Problemy realizacii prava obvinjaemogo (podozrevaemogo), soderzhashhegosja pod strazhej, na svidanie s rodstvennikami (Problems of realization of the right of the accused (suspect) in custody to visit relatives). *Advocate's Practice*. No. 4. P. 24-28. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Шигурова Елена Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия прокурорского надзора юридического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

E-mail: shigurova_elena@mail.ru

Шигуров Александр Викторович – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

E-mail: arshigurov@mail.ru

About the authors:

Shigurova Elena Ivanovna – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice, Prosecutorial Supervision, Faculty of Law, National Research Mordovia State University. Engaged in the study of the problems of criminal proceedings. Author of more than 100 scientific and educational works.

E-mail: shigurova_elena@mail.ru

Shigurov Alexander Viktorovich – Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), PhD in Law, Associate Professor. Engaged in the study of the problems of criminal justice. Author of more than 100 scientific and educational works.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Поступила 30.09.2022; одобрена после рецензирования 23.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2713-1033-2022-3-25-34

Л. Ф. Айзятова

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: lianochka_87@mail.ru

А. В. Дегтева

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: alena_degteva99@mail.ru

АНАЛИЗ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Женская преступность является естественным явлением, одна из возможных причин которого – развитие технического прогресса и уравнивания женщины в трудовых правах с мужчинами. Изменение политико-экономической формации с феодальной на капиталистическую перевернуло трудовые устои и заставило женщин переориентироваться на производство материальных ценностей. Это одно из обстоятельств, провоцирующих кардинальные изменения женской психологии и порождающих преступные деяния женщин в социально-бытовой сфере.

Женщины начали активно вовлекаться в трудовые отношения, но при этом именно они, в подавляющем большинстве случаев, занимаются воспитанием детей и организацией семейного быта, вследствие чего имеют ограниченный досуг. Прежде трудовая деятельность осуществлялась преимущественно мужчинами, а женщина имела возможность заниматься исключительно домохозяйством. Эта устоявшаяся традиция противопоставляется современному положению вещей.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что феномен женской преступности в семейно-бытовой сфере, а также анализ его причин и динамики, требует более тщательного изучения в целях усовершенствования профилактики женской преступности.

Ключевые слова: семья, быт, преступность, преступное насилие, насилие в семье.

L. F. Ayzyatova

Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
Saransk, Russia, e-mail: lianochka_87@mail.ru

A. V. Degteva

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: alena_degteva99@mail.ru

ANALYSIS OF CRIMINAL ACTS OF WOMEN IN THE SOCIAL SPHERE

Women's crime is a natural phenomenon. One of the possible reasons for this is the development of technological progress and the equalization of women in labor rights with men. The change in the political and economic formation from feudal to capitalist turned the labor foundations upside down and forced women to reorient themselves towards the production of material values. This is one of the circumstances that provoke cardinal changes in female psychology and give rise to criminal acts of women in the social sphere.

Women have begun to be actively involved in labor relations, but at the same time, it is they who, in the vast majority of cases, are involved in raising children and organizing family life, as a result of which they have limited leisure time. Previously, labor activity was carried out mainly by men, and a woman had the opportunity to deal exclusively with the household. This established tradition is opposed to the modern state of affairs.

The conducted research suggests that the phenomenon of female crime in the domestic sphere, as well as an analysis of its causes and dynamics, requires a more thorough study in order to improve the prevention of female crime.

Keywords: family, everyday life, crime, criminal violence, domestic violence.

Введение. В криминологических исследованиях практически не подвергается сомнению тезис о том, что преступность женщин и преступность мужчин имеют принципиальные отличия [Гришко, 2019; Кирюшина, 2007]. По мнению Ю. М. Антоняна, женская преступность кардинально отличается от мужской по целому ряду параметров: женщины особым образом выбирают жертвы посягательств, орудия совершения насильственных преступлений, способы причинения насилия и пр. [Антонян, 2004: 223]. При этом нельзя отрицать, что женская преступность является естественным явлением, одна из причин которого – развитие технического прогресса и уравнивания женщины в трудовых правах с мужчинами.

Обсуждение. По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2021 году женщинами совершено 137 724 преступления (19 % от числа мужских преступлений). Возрастное распределение женской преступности представлено на рисунке 1.

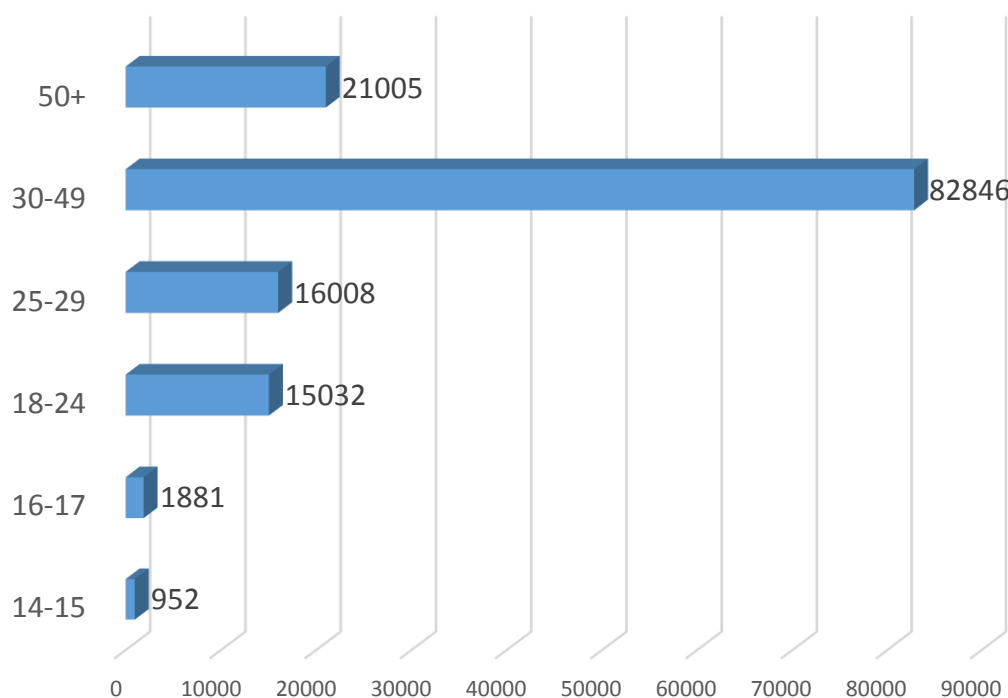

Рис. 1. Возрастное распределение женской преступности в 2021 году, чел.
[Показатели преступности России]

Как видно по данным рисунка 1, наибольшее число преступлений женщин приходится на женский возраст 30-49 лет, т.е. возраст активных супружеских и семейных отношений, становления семьи, появления новых обязанностей, норм поведения и т.д.

Свою специфику имеет и социальный портрет женской преступности по состоянию на 2021 год (рисунок 2).

Рис. 2. Уровень образования женщин, совершивших преступления, %
[Социальный портрет преступности]

Можно отметить, что наибольшая доля женщин, которые совершили преступление, имеет среднее профессиональное (35 %) и начальное и основное общее образование (32 %). Следовательно, образовательный уровень является существенной характеристикой личности человека вообще и осужденного в особенности [Михлин, 1996: 33]. Он имеет определенное влияние и на предрасположенность женщин к преступлениям. Учитывая возрастное распределение женской преступности, можно сказать, что женщины с высшим образованием в наименьше степени склонны к совершению преступлений.

На рисунке 3 отражена структура социального портрета женщин, совершивших преступление, по социальному статусу.

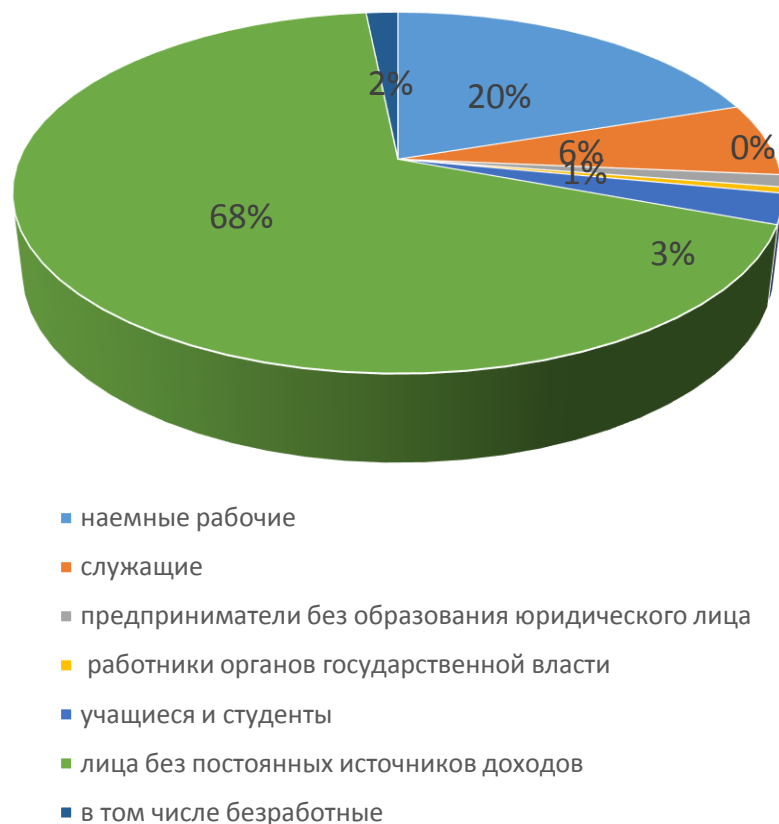

Рис. 3. Социальный статус женщин, совершивших преступление [Социальный портрет преступности]

Согласно приведенным данным, подавляющее число женщин-преступниц не имеют постоянных источников дохода. Следовательно, уровень и стабильность доходов играют значимую роль в женской преступности. Сопоставление всех приведенных выше данных о социальном портрете женской преступности позволяет сделать следующее предположение: если к определенному возрасту женщина имеет низкий уровень образования и не имеет стабильного источника доходов, она попадает в группу риска, повышается

вероятность совершения ею преступного деяния, особенно в семейно-бытовой сфере.

Преступные посягательства женщин в семейно-бытовой сфере направлены преимущественно на ближайшее окружение. В частности, пострадавшими от таких посягательств в большинстве случаев являются мужчина или сожитель, а также знакомые, соседи, реже – родители, дети и другие лица. Чаще всего это ситуативные преступления, когда определенную криминогенную роль играет неблагоприятная обстановка, провоцирующее поведение потерпевшего, насилие и оскорбления в отношении женщины. При этом необходимо отметить, что, в отличие от мужчин, женщины совершают насильственные преступления преимущественно тайно, без свидетелей. Открытому проявлению насилия не способствуют как психофизиологические, так и социальные особенности женского пола.

Насколько важны роль и значение жизненной ситуации в преступном поведении женщины отчасти можно определить, если обратиться к анализу мотивов, целей, эмоционального состояния женщин-убийц. Результаты такого анализа способствуют пониманию мотивов преступного поведения женщины как субъекта насильственного посягательства на личность [Криминология, 2020: 423].

По данным исследователей Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, у женщин, совершивших насильственные преступления, часто обнаруживаются пограничные психические отклонения [Прокофьева, 2000]. Можно сказать, что повышенная эмоциональность женщин часто является причиной совершения импульсивных действий с последующей их рационализацией. В некоторых случаях причиной импульсивного насилия со стороны женщин является осознание собственных недостатков, несостоятельности в жизни. Такое патологическое восприятие себя и попытки компенсировать свое состояние проявлением насилия в отношении близких людей усугубляется употреблением алкоголя или наркотических средств. Если кто-либо из представителей ближайшего окружения вызывает у женщины гнев, неприязнь, отвращение, ненависть – это тоже может спровоцировать импульсивное насильственное поведение. Комплекс указанных негативных эмоций часто возникает под влиянием на психику женщин провоцирующего поведения пострадавшего.

Мотивами насильственной преступности женщин чаще всего являются: ревность [Наумов, 1969: 57]; месть [Щербакова, Белая, 2013: 131]; самоутверждение [Криминология. XX век, 2000: 480]; желание избавиться от ребенка, мужа, сожителя; корысть (стремление к улучшению материального положения). В исследованиях современного периода констатируется, что первое место по распространенности в мотивации убийств мужа (как и жены) занимает самоутверждение, далее – стремление избавиться от забот, стремление удержать партнера, ревность. Таким образом, в центре противоречий – столкновение интересов мужчин и женщин.

Примеры из судебной практики показывают, что ревность является достаточно серьезной причиной женской насильственной преступности. Например, в Хакасии вынесен приговор 47-летней женщине, которая из ревности убила своего бывшего мужа и его сожительницу. Во время следствия осужденная ничего не скрывала, рассказывала все подробности. В частности, она сообщила, что официально развелась со своим мужем (он младше ее на два года) еще в 2019 году. Она узнала, что у бывшего супруга есть сожительница. Ночью она пришла к ним в дом, хотела отомстить. Двери оказались незапертыми, поэтому ей удалось беспрепятственно проникнуть в дом, где она увидела бывшего мужа и его сожительницу спящими. В приступе ревности женщина взяла нож и нанесла несколько ударов сначала бывшему мужу, потом сожительнице. Дело рассматривалось в Верховном суде Хакасии. Приговор – 12 лет колонии общего режима¹.

Определяя степень тяжести насильственного преступления, которое совершила женщина, необходимо учитывать специфику женского преступного поведения. Низкий уровень культуры взаимоотношений в семье на фоне систематического физического и психического насилия против женщины, бытового алкоголизма обуславливают удельный вес женской бытовой преступности. Судебная практика свидетельствует о том, что бытовое употребление алкоголя часто является фактором, провоцирующим совершение насильственных преступлений, в том числе, женщинами.

Так, между мужем и женой в процессе совместного распития алкогольных напитков у себя на кухне возникла ссора на почве ревности. Муж, неоднократно избивавший жену и ранее, нанес ей множественные удары руками по телу и голове. Женщина взяла нож, который лежал на столе, и нанесла несколько ударов по ноге мужа, однако последний продолжил избиение. Она нанесла еще несколько ударов, в том числе, в область грудной клетки. От полученных ударов мужчина скончался на месте. Приговором районного суда женщина была признана виновной по ч. 1 ст. 105 УК РФ, однако суд апелляционной инстанции, учитывая обстоятельства дела, переквалифицировал деяние на ч. 1 ст. 108 УК РФ².

Бытовые преступления, совершенные женщинами, типичны и занимают наибольший удельный вес среди женской насильственной преступности. У одной группы женщин умышленное совершение убийства – это реакция на длительную психотравмирующую ситуацию, когда накопление негативного напряжения в отношениях находит проявление в агрессивном насильственном поведении. У других – совершение убийства вызвано непосредственно конкретной негативной ситуацией, внезапно возникшим мотивом, который,

¹ В Хакасии ревнивой жене дали 12 лет колонии за убийство мужа и его сожительницы: сайт. URL: <https://www.krsk.kp.ru/online/news/4031305/> (дата обращения: 15.06.2022).

² Оправдали за убийство: сайт. URL: <https://oper-1974.livejournal.com/971777.html>. (дата обращения: 15.06.2022).

однако, также часто сопряжен с систематическими противоправными действиями в отношении женщины. Это свидетельствует о наличии скрытого бытового насилия, на которое женщина, в свою очередь, отвечает насильственными действиями.

Эти особенности мотивации преступного поведения женщин влекут за собой последующие проблемы с квалификацией совершенных ими насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере. В частности, довольно сложно устанавливать факт необходимой самообороны либо определять пределы ее превышения.

Так, следователем Новоузенского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ было возбуждено уголовное дело в отношении Салимовой А. К. по ч. 1 ст. 108 УК РФ. В дальнейшем следственные органы изменили квалификацию преступления и привлекли Салимову А. К. в качестве обвиняемой по ч. 4 ст. 111 УК РФ. В отношении Салимовой А. К. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

В отношении Салимовой А. К. был вынесен обвинительный приговор, назначено наказание в виде лишения свободы на срок 7 лет и 6 месяцев, изменена мера пресечения с подписки о невыезде на содержание под стражей в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Саратовской области до вступления приговора в законную силу.

Апелляционным приговором Саратовского областного суда приговор Новоузенского районного суда Саратовской области был отменен, А. К. Салимова оправдана на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

Из следующих обстоятельств дела суд пришел к выводу, что у женщины был повод опасаться за свою жизнь¹. Ее муж пришел в дом в состоянии алкогольного опьянения, вел себя агрессивно, нецензурно выражался, курил, а затем взял нож и начал водить им по горлу женщины, угрожая убийством. Салимова А. выхватила нож из рук мужа и, опасаясь, что он, будучи физически сильнее, отберет его и продолжит свое посягательство, нанесла удары, повлекшие за собой смерть потерпевшего².

Необходимо отметить, что рост насильственной женской преступности во многом обусловлен рядом внешних факторов: кризисные процессы, социально-экономическая и политическая нестабильность, эскалация семейно-бытового насилия в отношении женщин и детей.

Домашнее насилие невозможно объяснить только бедностью или алкоголизмом, потому что эти факторы лишь усугубляют агрессивное поведение

¹ Дело №2-3169/2021. URL: <https://судебныерешения.рф/63681812> (дата обращения: 15.06.2022).

² Женщину, осужденную к 7,5 годам за убийство мужа, оправдали после апелляции: сайт. URL: <https://www.goodhouse.ru/obshchestvo/novosti/zhenshchinu-osuzhdennuyu-k-75-godam-za-ubiystvo-muzha-opravdali-posle-apellyacii/> (дата обращения: 15.06.2022).

домашних насильников, но не являются его причинами. В нашем обществе ранее не было принято открыто говорить о домашнем насилии. Но, на самом деле, эта форма насилия существует давно. Сейчас, когда происходит осознание гражданских прав и свобод, насилие над женщинами попало в фокус общественного внимания. К сожалению, ввиду высокой латентности семейно-бытового насилия, объективную и достоверную информацию о масштабах этой социальной проблемы получить невозможно. Хотя известно, что большинство преступлений, связанных с применением насилия, совершается в семье, официальная статистика в данном случае не отражает реальной картины. Большинство пострадавших не обращается за помощью в органы внутренних дел. Они не верят, что полиция может оказать им действенную помощь, либо опасаются эскалации насилия.

Заключение. Учитывая указанную специфику женской преступности, следует определить позицию законодательной власти в уголовно-исполнительной реформе в отношении женщин. При назначении наказаний женщинам суды часто применяют те виды наказания, которые не связаны с лишением свободы. Кроме того, часто применяются назначение условного осуждения, условно-досрочное освобождение и отсрочка отбывания наказания. Однако этот процесс имеет и негативные аспекты. Снисходительное отношение к женщинам, совершившим преступление, может повлиять на принятие решения о преступном насильственном посягательстве. Для большинства женщин, совершивших преступление под влиянием провоцирующей ситуации, не характерно наличие устойчивых преступных убеждений. В то же время, роковое решение может быть принято с учетом высокой вероятности назначения мягкого наказания за совершенное преступление.

Впрочем, женщины, совершившие ситуативные преступления, имеют позитивные социальные установки, поэтому вероятность рецидива незначительна, следовательно, позиция судов при назначении им наказания имеет рациональное обоснование.

Для профилактики преступлений, совершенных женщинами под воздействием провоцирующей ситуации, необходимо принимать действенные меры по противодействию семейно-бытовому насилию, обеспечению своевременной психологической и медицинской помощи женщинам, находящимся в длительной психотравмирующей ситуации, формированию более эффективных механизмов трудоустройства женщин, не имеющих постоянного дохода.

Список литературы (References)

1. Гришко Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019. 28 с.
Grishko N.A. (2019) Prestupnoe nasilie, sovershaemoe zhenshhinami v semejno-bytovoj sfere (Criminal violence committed by women in the domestic

sphere). Abstract of the dissertation of the PhD in Law. Grozny. 28 p. (In Russ.)

2. Кирюшина Л.Ю. Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступлений отдельного вида: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. 23 с.

Kiryushina L.Yu. (2007) *Lichnost' zhenshhiny v mehanizme prestupleniya i ee znachenie dlja kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestuplenij ot del'nogo vida* (The personality of a woman in the mechanism of a crime and its significance for the forensic methodology for investigating crimes of a particular type). Abstract of the dissertation of the PhD in Law. Barnaul. 23 p. (In Russ.)

3. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. 448 с.

Antonyan Yu.M. (2004) *Criminology. Selected lectures*. Moscow: Logos. 448 p. (In Russ.)

4. Показатели преступности России // Портал правовой статистики: сайт. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 15.06.2022).

Indicators of crime in Russia // Legal Statistics Portal: website. URL: <http://crimestat.ru/> (accessed: 15.06.2022). (In Russ.)

5. Социальный портрет преступности // Портал правовой статистики: сайт. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 15.06.2022).

Social portrait of crime // Legal Statistics Portal: website. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (accessed: 15.06.2022). (In Russ.)

6. Михлин А.С. Осужденные. Кто они? Общая характеристика осужденных (по материалам переписи 1994 г.). М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1996. 112 с.

Mikhlin A.S. (1996) *Convicted. Who are they? General characteristics of convicts (based on the 1994 census)*. Moscow: Publishing House of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 112 p. (In Russ.)

7. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2020. 1008 с.

Criminology: textbook (2020) / ed. by A.I. Dolgova. Moscow: Norma. 1008 p. (In Russ.)

8. Прокофьева Т.В. Роль женщины в деятельности организованных преступных формирований // Насилие. Личность. Общество: тезисы научно-практической конференции. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 2000. С. 132-135.

Prokofieva T.V. (2000) *Rol' zhenshhiny v dejatel'nosti organizovannyh prestupnyh formirovanij* (The role of women in the activities of organized criminal groups). *Violence. Personality. Society: abstracts of the Sci. Pract. Conf.* Moscow: Publishing House of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 132-135. (In Russ.)

9. Наумов А.В. Мотивы убийств: Учеб. пособие / под ред. Н.А. Огурцова. Волгоград: Высш. следств. школа МВД СССР, 1969. 135 с.

Naumov A.V. (1969) *Motives for the murders*. Textbook / ed. by N.A. Ogurtsov. Volgograd: Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs

of the USSR. 135 p. (In Russ.)

10. Щербакова Л.М., Белая О.П. Индивидуально-психологический профиль женщин, осужденных за насильственные преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 35-44.

Shherbakova L.M., Belaja O.P. (2013) Individual'no-psihologicheskij profil' zhenshin, osuzhdennyh za nasil'stvennyye prestuplenija (Personal psychologic profile of women convicted for violent offenses). *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. No. 4. P. 35-44. (In Russ.)

11. Криминология. XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. 555 с.

Criminology. XX century (2000) / ed. by V.N. Burlakov, V.P. Salnikov. St. Petersburg: Legal Center Press, 2000. 555 p. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Айзязова Лиана Фяритовна – доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, кандидат философских наук.

E-mail: lianochka_87@mail.ru

Дегтева Алена Вячеславовна – студентка Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

E-mail: alena_degteva99@mail.ru

About the authors:

Ayzyatova Liana Faritovna – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), candidate of philosophical sciences.

E-mail: lianochka_87@mail.ru

Degteva Alina Vyacheslavovna – student of the Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: alena_degteva99@mail.ru

Поступила 26.08.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2713-1033-2022-3-35-40

Э. В. Дябденков

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: edik.dyabdyonkov@yandex.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ
ХОДАТАЙСТВА СЛЕДОВАТЕЛЯ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ НА ПРИМЕРАХ СУДЕБНОЙ
ПРАКТИКИ**

В данной статье автором рассмотрены отдельные проблемы практики рассмотрения и разрешения ходатайств следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Результаты проведенного исследования основаны на статистических данных деятельности судов за 2021 г. Проанализированы ситуации, когда суд не дает надлежащую оценку и проверку обоснованности подозрения лица в его причастности к совершению деяния.

Автором отмечен такой недостаток уголовно-процессуального закона как отсутствие конкретной нормы, которая устанавливала бы закрытую или открытую форму судебного заседания при рассмотрении ходатайства следователя. На основе изучения материалов судебной практики автором сделаны заслуживающие внимания выводы.

Ключевые слова: мера пресечения, суд, следователь, основания, гласность, заключение под стражу, ходатайство.

E. V. Dyabdenkov

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: edik.dyabdyonkov@yandex.ru

**PROBLEM ISSUES OF CONSIDER AND PERMISSIONS OF
INVESTIGATOR'S PETITION ON THE CHOICE OF PREVENTIVE
MEASURE OF REMAND IN CUSTODY ON EXAMPLES OF JUDICIAL
PRACTICE**

In this article, the author considers certain problems in the practice of considering and resolving the investigator's petitions for choosing a preventive measure in the form of remand in custody.

The results of the study are based on statistical data on the activities of the courts for 2021. Situations are analyzed when the court does not properly assess and verify the validity of a person's suspicion of his involvement in the commission of an act.

The author noted such a shortcoming of the criminal procedure law as the absence of a specific norm, which would establish a closed or open form of the court session when considering the petition of the investigator. On the basis of studying the materials of judicial practice, the author made noteworthy conclusions.

Keywords: preventive measure, court, investigator, grounds, openness, remand in custody, petition.

Введение. Проблема применения меры пресечения в виде заключения под стражу не утрачивает своего практического значения. Как показывает практика, зачастую суды подходят формально к вопросам рассмотрения ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, ее продлении, несмотря на то, что речь идет об ограничении конституционного права человека на свободу. При выборе меры пресечения должен обеспечиваться индивидуальный подход, и применение заключения под стражу допускается лишь в случае безусловной необходимости, если оно отвечает требованиям справедливости, является пропорциональной и соразмерной мерой.

Методы. В ходе исследования проблем реализации гарантий прав человека при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве использовались формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический и иные методы научного познания.

Результаты. Заключение под стражу – самая строгая и распространенная мера пресечения. Анализ статистических данных деятельности судов это подтверждает. В 2021 году в апелляционном порядке по жалобам и представлениям осуществлялась проверка законности и обоснованности 25,3 тысяч постановлений районных судов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, или 26,8 % от числа рассмотренных районными судами с удовлетворением ходатайств органов предварительного расследования (в 2020 году – 24,3 тысяч, или 23,8 %). Отменено 809 судебных постановлений районных судов, внесены изменения в 1,5 тысяч постановлений. В качестве замены меры пресечения в виде заключения под стражу апелляционной инстанцией применялся залог в 24 случаях и домашний арест в 247 случаях [Обзор судебной статистики...]. По данным отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 г. в ходе досудебного производства поступило в производство материалов по вопросу избрания наиболее строгой меры пресечения 99 301, по продлению – 202 499. Всего было удовлетворено 87 905 и 196 519 соответственно [Отчет о работе судов...].

Заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения применяется к подозреваемому только в исключительных случаях, а в общем порядке в рамках возбужденного уголовного дела – к обвиняемому. Изучение законодательной базы, судебной практики и научной литературы позволило выявить наличие ряда проблем, касающихся процессуального порядка рассмотрения и разрешения ходатайства следователя в суде первой инстанции. На практике нередко судьи формально подходят к рассмотрению ходатайства,

мотивируя необходимость избрания меры пресечения тяжестью совершенного преступления.

Одним из существенных уголовно-процессуальных нарушений, приводящих к отмене судебного акта, является ситуация, когда суд не дает надлежащую оценку и проверку обоснованности подозрения лица в его причастности к совершению деяния. Так, например, при разрешении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судьей Октябрьского районного суда г. Саранска не была дана оценка обоснованности подозрения, в материале у суда имелись лишь справка о результатах ОРД и протокол опроса без защитника. В связи с допущенным нарушением постановление суда было отменено¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ суд, обосновывая вывод о применении в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу и о невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, должен указать конкретные, фактические обстоятельства. Невыполнение данного требования способно повлечь отмену решения суда. Так, например, постановлением Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 8 октября 2019 года в отношении К.Е.А., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В обоснование принятого решения суд указал, что К.Е.А. подозревается в совершении преступления средней тяжести. 23 июля 2019 года подписал обязательство о явке, после чего в орган предварительного следствия не явился и о месте своего нахождения не сообщил, в связи с чем был объявлен в розыск. Суд апелляционной инстанции отменил постановление суда, принял новое решение об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении К.Е.А. меры пресечения в виде заключения под стражу, указав в обоснование своего решения на нижеследующее.

Суд надлежащим образом не проверил доводы подозреваемого об уважительности причины неявки к следователю в связи с нахождением на лечении в психиатрической больнице, что подтверждается представленными в суд материалами. Кроме того, стороной обвинения не опровергнуты доводы К.Е.А. о том, что он не получал от следователя извещений о вызове для производства следственных действий. Факт объявления подозреваемого в розыск сам по себе не может служить достаточным доказательством принятия органом предварительного расследования надлежащих мер по вызову подозреваемого для производства следственных действий и установлению его места нахождения.

При таких обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу, что стороной обвинения не представлено доказательств, свидетельствующих о

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 № 77-4920/2021. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2022).

необходимости применения к К.Е.А. исключительной меры пресечения в виде заключения под стражу.

Также судом не была в полной мере учтена личность подозреваемого, который страдает психическим расстройством и является инвалидом 2 группы, не дана оценка поведению подозреваемого в ходе предварительного следствия, его отношению к инкриминируемому деянию, тогда как он при допросе в качестве подозреваемого свою вину признал полностью, дал подробные показания, иным образом способствовал расследованию дела, вернул похищенные вещи и часть денежных средств потерпевшим. Вывод об отсутствии у К.Е.А. социальных привязанностей не может быть сделан только на основании того, что он не женат и не имеет детей. Он проживает со своими родителями по месту регистрации. По делам о преступлениях средней тяжести вывод о том, что лицо скроется от предварительного следствия, не может быть обоснован только тяжестью преступления¹.

Недостатком уголовно-процессуального закона является отсутствие конкретной нормы, которая устанавливала бы закрытую или открытую форму судебного заседания при рассмотрении ходатайства следователя [Шигуров, 2014]. Анализ судебных решений показал, что в большинстве случаев судебное заседание проводится открыто. Вместе с тем, встретились и решения, в которых судья, ссылаясь на основания, предусмотренные ч. 2 ст. 241 УПК РФ, например, на необходимость обеспечения тайны следствия, принимал решение о закрытии судебного заседания. Так, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Крым от 04.08.2020 г. было отменено постановление районного суда об удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В ходатайстве следователь мотивировал необходимость избрания данной меры пресечения тяжестью совершенного преступления, отсутствием регистрации на территории поселения и трудоустройства, наличием судимости. Указанное ходатайство было рассмотрено в закрытом судебном заседании. Однако оснований для этого не имелось, какие-либо препятствия для рассмотрения ходатайства в открытом режиме отсутствовали. Вышеизложенное привело к нарушению одного из основных принципов правосудия – гласности².

После принятия Федерального закона от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодателем было предусмотрено ограничение запрета на случаи оглашения данных сведений в открытом судебном заседании. Исходя из этого, следует логичный вывод, что факты, которые уже рассматривались в

¹ Обобщение судебной практики применения положений ст. ст. 108, 109 УПК РФ судами Республики Мордовия в 2019 году // Верховный Суд Республики Мордовия. URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=688 (дата обращения: 01.10.2022).

² Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22К-2187/2020 3/1-27/2020 от 04.08.2020 по делу № 3/1-27/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GUPWKog8e7ox> (дата обращения: 29.09.2022).

присутствии слушателей в судебном заседании, не способны составлять какой-либо тайны [Шигуров, 2011].

Кроме того, суду при осуществлении правосудия необходимо учитывать, что рассмотрение дела в закрытом режиме по иным основаниям, не предусмотренным законом, расходится с принципом гласности судопроизводства и порождает нарушение права на публичное и справедливое судебное разбирательство [Шигуров, 2016].

Заключение. Таким образом, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу входит проверка судом следующих обстоятельств:

- наличие законных оснований и условий для избрания меры пресечения,
- отсутствие препятствий для избрания меры пресечения,
- соблюдение установленного законом порядка для избрания данной меры пресечения.

Кроме того, суд обязан проверить:

- 1) соблюдены ли права обвиняемого (подозреваемого), связанные с избранием меры пресечения, и обеспечить условия для их соблюдения;
- 2) обоснованность подозрения в причастности лица, о заключении под стражу которого ходатайствует следователь, к совершенному преступлению;
- 3) возможность применения в отношении обвиняемого (подозреваемого) более мягкой меры пресечения.

Пленум Верховного Суда РФ указывает на недопустимость обсуждения судом вопросов о виновности/невиновности обвиняемого (подозреваемого).

Список литературы (References)

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 29.09.2022)

Overview of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace // Official site of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (accessed: 29.09.2022). (In Russ.)

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/F1-svod_udy (дата обращения: 01.10.2022)

Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of criminal cases at first instance for 2021 // Official site of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/F1-svod_udy (accessed: 01.10.2022). (In Russ.)

3. Шигуров А.В. Закрытая форма предварительного слушания по

уголовным делам: критический анализ // *Lex russica* (Русский закон). 2014. Т. 96. № 5. С. 556-563.

Shigurov A.V. (2014) *Zakrytaja forma predvaritel'nogo slushanija po ugovolnym delam: kriticheskij analiz* (Closed form of preliminary hearing in criminal cases: critical analysis). *Lex russica (Russkij zakon)*. Vol. 96. No. 5. P. 556-563. (In Russ.)

4. Шигуров А.В. Проблемы реализации права обвиняемого (подозреваемого), содержащегося под стражей, на свидание с родственниками // *Адвокатская практика*. 2016. № 4. С. 24-28.

Shigurov A.V. (2016) *Problemy realizacii prava obvinjaemogo (podozrevaemogo), soderzhashhegosja pod strazhej, na svidanie s rodstvennikami* (Problems of realization, by the accused (suspected) person in custody, of the right to be visited by relatives). *Advocate's Practice*. No. 4. P. 24-28. (In Russ.)

5. Шигуров А.В. Стандарты Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» по вопросам избрания и исполнения заключения под стражу // *Право и политика*. 2011. № 6. С. 983-990.

Shigurov A.V. (2011) *Standarty Evropejskoj Konvencii «O zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod» po voprosam izbranija i ispolnenija zakljuchenija pod strazhu* (Standards of the European Convention "On the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms" on the issues of election and execution of detention). *Law and Politics*. No. 6. P. 983-990. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дябденков Эдуард Викторович – аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства.

E-mail: edik.dyabdyonkov@yandex.ru

About the author:

Dyabdenkov Eduard Viktorovich – postgraduate student of the Faculty of Law, National Research Mordovia State University. Engaged in the study of the problems of criminal proceedings.

E-mail: edik.dyabdyonkov@yandex.ru

Поступила 03.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

УДК 172.3:291.1

DOI: 10.24412/2713-1033-2022-3-41-51

Е. А. Коваль

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: nwifesc@yandex.ru

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Один из ведущих аспектов межгосударственной интеграции – ценности, на основании которых принимаются стратегически значимые политические и экономические решения. В данной статье рассматривается роль религиозных ценностей, реализуемых в формате межрелигиозного диалога в евразийском пространстве.

Многозначное понятие «европейское пространство» определяется как постсоветское пространство с перспективами расширения на Восток, а межрелигиозный диалог – не только как способ коммуникации представителей различных религиозных сообществ, но и как своеобразная политическая стратегия.

Наибольшим интеграционным потенциалом в контексте евразийского пространства обладает партнерский межрелигиозный диалог, позволяющий совместно принимать решения по ключевым социальным проблемам, минуя риски обсуждения принципиальных вероучительных различий.

Партнерский межрелигиозный диалог предполагает не только официальное взаимодействие лидеров религиозных организаций, но и коммуникацию представителей различных религиозных сообществ на бытовом уровне. Такой формат диалога может внести значимый вклад в пространственное самоопределение и географическую самоидентификацию людей, населяющих евразийское пространство.

При этом необходима разработка новых нормативных оснований партнерского межрелигиозного диалога в евразийском пространстве, учитывающих специфику субъектов, вступающих в диалог, их цели и принципы. Наличие нормативных документов и концептуальных границ диалога требуется для урегулирования конфликтных ситуаций и совершенствования форм межрелигиозного взаимодействия.

Для разработки нормативных документов, регламентирующих осуществление межрелигиозного диалога в евразийском пространстве, требуется тщательный анализ конфессиональных позиций и представлений о взаимодействии с представителями других религиозных воззрений. В данной статье делается акцент на канонических нормах и новейших нормативных

документах Русской Православной Церкви, посвященных вопросам межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: евразийское пространство, межрелигиозный диалог, партнерский межрелигиозный диалог, нормативные основания межрелигиозного диалога, каноны.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика», № 21-011-44239.

E. A. Koval

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: nwifesc@yandex.ru

INTERRELIGIOUS DIALOGUE AS A FACTOR OF EURASIAN INTEGRATION

One of the leading aspects of interstate integration is the values on the basis of which strategically significant political and economic decisions are made. This article discusses the role of religious values implemented in the format of interreligious dialogue in the Eurasian space.

The ambiguous concept of "Eurasian space" is defined as the post-Soviet space with the prospects for expansion to the East. Interreligious dialogue is understood not only as a way of communication between representatives of various religious communities, but also as a kind of political strategy.

The partnership interreligious dialogue has the greatest integration potential in the context of the Eurasian space. Such a dialogue makes it possible to jointly make decisions on key social problems, bypassing the risks of discussing fundamental doctrinal differences.

Partnership interreligious dialogue involves not only the official interaction of the leaders of religious organizations, but also the communication of representatives of various religious communities at the ordinary level. Such a format of dialogue can make a significant contribution to the spatial self-determination and geographical self-identification of the people inhabiting the Eurasian space.

At the same time, it is necessary to develop new normative foundations for partnership interreligious dialogue in the Eurasian space, which take into account the specifics of the subjects of the dialogue, their goals and principles. The presence of normative documents and conceptual boundaries of dialogue is required to resolve conflict situations and improve forms of interreligious interaction.

The development of normative documents regulating the implementation of interreligious dialogue in the Eurasian space requires a thorough analysis of confessional positions and ideas about interaction with representatives of other

religious beliefs. This article focuses on the canonical norms and the latest regulatory documents of the Russian Orthodox Church on issues of interreligious dialogue.

Keywords: Eurasian space, interreligious dialogue, partnership interreligious dialogue, normative foundations of interreligious dialogue, canons.

Acknowledgment: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Normative dimensions of Christian canons: traditions and dynamics”, No. 21-011-44239.

Введение. Экономическая составляющая интеграционных процессов далеко не всегда определяет содержание стратегических решений. Как показывает текущая международная ситуация, политические мотивы часто имеют большее значение, чем экономические. Как отмечает Ю. М. Осипов, «любая межгосударственная интеграция – дело политическое и никаким другим оно быть не может! Субъективный политический фактор играет здесь великую, если не решающую, роль: что и предопределяет необходимость гигантской экспертно-интеллектуальной работы» [Осипов, 2014: 18].

Однако не следует забывать о том, что политические решения, касающиеся вопросов интеграции, строятся на определенных ценностных базисах. Когда эти базисы находятся в оппозиции друг к другу, конфликта практически невозможно избежать, несмотря на серьезные экономические риски. Следовательно, вопрос о ценностях, лежащих в основе интеграционных процессов и либо способствующих их гармоничному протеканию, либо препятствующих им, должен рассматриваться и в теоретической, и в практической плоскостях.

Одни из наиболее значимых ценностей, влияющих на интеграцию/дезинтеграцию в том или ином мировом регионе и в мире в целом, – это религиозные ценности. Евразийское пространство характеризуется многообразием религиозных ценностей, которым привержены личности и сообщества, поэтому особое значение для интеграционных процессов приобретает межрелигиозный диалог и его концептуальные основания.

Существует ли межрелигиозный диалог в евразийском пространстве? На каком уровне он осуществляется? Играет ли он какую-либо роль в евразийской интеграции? Поиск ответов на эти вопросы предполагает предварительный анализ ключевых понятий «евразийское пространство» и «межрелигиозный диалог».

Концептуальные аспекты изучения межрелигиозного диалога в евразийском пространстве

К. Боргарелло справедливо отмечает, что, используя термин «евразийское пространство», необходимо каждый раз проговаривать, какой геополитический контекст имеется в виду, поскольку единого, не идеологизированного определения, не отражающего геополитической позиции отдельных государств или коллабораций, не существует [Боргарелло, 2018: 21]. В данном исследовании

под евразийским пространством в первую очередь понимается постсоветское пространство с перспективой расширения на Восток.

Межрелигиозный диалог может быть определен как «...политическая стратегия и технология политического взаимодействия в условиях религиозного многообразия» [Эрдоган, 2012: 8]. Данное определение довольно удачно характеризует перспективы межрелигиозного диалога в межстрановом пространстве.

В научной литературе предложены многочисленные классификации межрелигиозного диалога (классификации С. С. Хоружего, Э. Дж. Шарпа, С. Б. Кинг и др.) [Мельник, 2018]. Весьма интересной представляется классификация С.В. Мельника, который выделяет четыре типа межрелигиозного диалога: полемический, партнерский, миротворческий и когнитивный [Мельник, 2019: 310]. Данная классификация выбрана ввиду комплексности выбранных автором классификационных критериев, которые позволяют раскрыть специфику отдельной разновидности межрелигиозного диалога с учетом того, кто является участниками диалога (религиозные лидеры, эксперты, «рядовые» члены общины, общественные организации), каковы их намерения, какие цели они перед собой ставят (миссионерство, защита собственной религии, устранение конфликтов, сотрудничество в социальной и экономической сферах и пр.) и какими принципами руководствуются.

Наиболее перспективным для евразийского пространства представляется партнерский диалог. Ключевыми областями сотрудничества в рамках такого диалога являются «человек», «общество», «окружающая среда» [Мельник, 2019: 307], а базовой интенцией – «осознание избытка человеческого страдания в мире» [Мельник, 2019: 311].

Парадоксальным образом, грамотно выстроенный партнерский межрелигиозный диалог может в большей степени способствовать интеграции, чем фактор проживания в разных государствах представителей одного религиозного вероисповедания. Ярким примером являются общность православных религиозных ценностей России и Украины. Религиозное единство в условиях расширенного воспроизводства нерелигиозных ценностей не смогло воспрепятствовать формированию неприязни по признаку национальной или гражданской идентичности, открыто демонстрируемой в публичном дискурсе.

Ключевые участники межрелигиозного диалога в евразийском пространстве – христианское православное и мусульманское сообщества. Однако нельзя игнорировать представителей иных вероисповеданий, а также внутреннюю неоднородность упомянутых сообществ.

Дифференциация культурного кода не является непреодолимым препятствием для интеграционных процессов. Напротив, это пространство для выстраивания диалога по различным вопросам. Диалог не предполагает отказа от идентичности или концептуальных ценностей, но в процессе его выстраивания определяется пул общих ценностей, а также точки возможного приложения совместных усилий для решения экономических, политических,

социальных проблем в пространстве, где разворачиваются интеграционные процессы.

Межрелигиозный диалог – это не диалог между государствами и даже не только и не столько диалог между религиозными организациями. Межрелигиозный диалог принципиальным образом влияет на то, каким образом складывается повседневное общение между последователями различных религий, живущих в одном интегрирующемся пространстве. Значение имеют межрелигиозные браки, влияние религиозных ценностей на деловые отношения, образовательный процесс и пр. Если в повседневной жизни не заложены возможности отношений в обозначенных координатах, то отдельные интеграционные процессы, осуществляемые на политическом уровне, межгосударственные соглашения могут оказаться под угрозой неисполнения или приобрести сугубо декларативный характер. Невозможно против воли принудить к «бытовой» интеграции, заставить людей идентифицировать себя как живущих в едином геополитическом образовании. И, напротив, крайне сложно разрушить бытовые связи, даже если отдельные государства по тем или иным причинам разрывают дипломатические отношения.

Крайне важно, чтобы у народов, проживающих в государствах, участвующих в интеграционных евразийских процессах, сформировалось пространственное самоопределение. Однако его формирование и расширенное воспроизводство невозможно не только без мирового проекта, но и без повседневных практик взаимодействия, различных типов диалога, включая межрелигиозный диалог. Еще важнее – географическая самоидентификация людей, населяющих евразийское пространство [Андреева, Алексейчук, 2014]. Определяем ли мы себя не только гражданами России, Кыргызстана, Казахстана, Белоруссии и т.п., но и более широкого пространства, или же наша географическая самоидентификация гораздо «скромнее»?

Специфика межрелигиозного диалога в евразийском пространстве обусловлена особым восприятием соотношения пространства и времени в евразийской цивилизации [Клепач, 2014: 50]. Поскольку речь в евразийском пространстве идет, в первую очередь, о диалоге мировых религий, и пространство, и время выходят далеко за пределы повседневности. Это способствует выстраиванию особой иерархии экономических, социальных и идейных предпосылок осуществления евразийской интеграции.

Межрелигиозный диалог выходит за пределы и теологических вопросов, по которым вряд ли возможно достижение согласия, но ряд социальных проблем, общих для государств евразийского пространства, может быть решен, в том числе, и посредством совместных усилий религиозных организаций и сообществ.

Таким образом, партнерский межрелигиозный диалог может обеспечить значимый вклад в формирование и расширенное воспроизводство наднациональных ценностей, при этом не подавляя воспроизводство ценностей национальных. Безусловно, данный процесс не может исключать противоречий

и ценностно-нормативных конфликтов, которые, по крайней мере, частично могут быть конструктивно разрешены в рамках диалога.

Сам по себе межрелигиозный диалог вряд ли может в ближайшее время стать центральной идеей для евразийской интеграции, но и без него такая идея была бы недостаточно всеобъемлющей.

В борьбе мировых проектов (Европейский Союз, Китай, Англосаксонский мир (Северная Америка, Британия, Австралия и т. д.) и Восточно-Азиатское кольцо стран (Япония, Южная Корея, Сингапур и т. д.) [Марков, 2014: 238]) межрелигиозный диалог в евразийском пространстве может стать значимым фактором сохранения суверенитета и национально-культурной самобытности стран-участниц евразийской интеграции внутри нового интеграционного проекта.

Перспективы институционализации и нормативного регулирования межрелигиозного диалога в евразийском пространстве

Для плодотворного осуществления межрелигиозного диалога в евразийском пространстве необходимы соглашения, принятые субъектами диалога и, по меньшей мере, очерчивающие основные цели и задачи, формы диалога и предполагаемые результаты диалогического взаимодействия.

С одной стороны, для диалога на уровне повседневных связей не требуется институционализация или детальное нормативное регулирование. Но, с другой стороны, людям важно понимать конфессиональные позиции в отношении межрелигиозного диалога, а также иметь возможность обратиться, например, при возникновении конфликтной ситуации, к ответственным субъектам межрелигиозного диалога или нормативным основаниям его осуществления.

О. Эрдоган в диссертационном исследовании, посвященном феномену межрелигиозного диалога, отмечает, что это древнее явление, но на современном этапе первой попыткой институционализировать, упорядочить межрелигиозный диалог, является католическая «Декларация «Nostra aetate» («Наш век», «Наше время»), принятая II Ватиканским Собором 28 октября 1965 г. «Новые принципы, провозглашенные в Декларации, а также их последующее развитие и институционализация, определили понимание межрелигиозного диалога как политической технологии, вызванной к жизни проблемой религиозного разнообразия и детерминацией им современного политического процесса» [Эрдоган, 2012: 11]. Однако обозначенный документ является конфессиональным, поэтому не может претендовать на то, чтобы стать нормативным основанием межрелигиозного диалога в евразийском пространстве.

Для формирования и совершенствования нормативного регулирования диалога может быть полезным опыт функционирования межрелигиозных организаций. В России ведущей межрелигиозной организацией является Межрелигиозный совет России, образованный 23 декабря 1998 года¹. На

¹ Межрелигиозный совет России: официальный сайт. URL: <http://interreligious.ru>.

постсоветском пространстве лидирующее положение занимает Межрелигиозный совет СНГ, учрежденный в 2004 году¹.

Перспективным представляется обращение к таким декларативным документам, посвященным проблематике межрелигиозного диалога, как Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Диалог высокого уровня по вопросам межрелигиозного и межкультурного понимания и сотрудничества на благо мира» (4-5 октября 2007 года)², Декларация международной парламентской конференции «Межкультурный и межрелигиозный диалог» (Санкт-Петербург, 1 июня 2007 года)³ и др.

Используя существующие наработки и опыт институционализации межрелигиозного диалога, необходимо разработать новые нормативные основания для осуществления межрелигиозного диалога в евразийском пространстве, учитывающие специфику этого пространства и интеграционных процессов, протекающих в нем. Для этого необходимо изучение и концептуализация конфессиональных документов, выработанных субъектами, вступающими в диалог.

И. Васильев, анализируя проблемы, характерные для выстраивания межрелигиозного диалога, отмечает, что помимо конструктивных, существуют и деструктивные предпосылки диалога – «...убежденность последователей определенной религии в ее истинности определяет в их сознании и мировоззрении все прочие религии как неистинные, или, проще говоря, ложные» [Васильев, 2014: 7]. Превалирование конструктивных или деструктивных предпосылок во многом зависит от конкретного вероучения.

Рассмотрим в качестве примера канонические предпосылки и современные нормативные основания осуществления межрелигиозного диалога, разработанные в православной традиции.

Канонические основания межрелигиозного диалога

Анализ Священных Текстов и древних канонов показывает, что православная традиция предполагает не только возможность, но и необходимость межрелигиозного диалога, обозначенного выше как партнерский. Так, апостол Павел обращает внимание общины на то, что невозможно жить в миру и не взаимодействовать с людьми, не принадлежащими общине, в том числе, и с иноверцами (1 Кор., 5: 9-10, 12-13). При этом судить их будет Бог, но не сами христиане. Это закладывает перспективы для партнерского диалога, открывая пространство для взаимодействия, направленного на совместное решение социально-нравственных проблем.

¹ Межрелигиозный совет СНГ. URL: <http://interreligious.ru/interreligious-council/>.

² Диалог высокого уровня по вопросам межрелигиозного и межкультурного понимания и сотрудничества на благо мира. URL: <https://www.un.org/ru/ga/62/plenary/hld-interreligious.shtml>.

³ Декларация международной парламентской конференции «Межкультурный и межрелигиозный диалог». URL: <http://narodru.ru/documents10283.html>.

В то же время, в каноническом корпусе Православной церкви есть ряд правил, которые жестко ограничивают христиан в общении с иноверцами даже на бытовом уровне. Так, например, согласно 11-му правилу Шестого Вселенского Собора, нельзя мыться в бане вместе с иудеями и лечиться у них [Каноны или Книга правил, 2016: 41-42]. Однако для принятия данного правила существовали не только канонические, но и социально-политические предпосылки. В современных условиях сложно представить себе ситуацию, когда христианин уточняет вероисповедание врача или фармацевта, чтобы не вступить в запрещенные отношения. Поэтому важно принимать во внимание намерение церковного законодателя. Зачем были приняты правила, ограничивающие общение христиан с иноверцами (7-е, 65-е, 71-е Апостольские правила, 37-е, 38-е правила Лаодикийского Поместного Собора, 11-е правило Шестого Вселенского Собора и др.)? Основная цель – уберечь христиан от отпадения от христианской веры: «Церковь, призывая христиан любовно относиться к иноверцам, в то же время ограждает своих чад от отпадения от Христа чрез общение с неверующими в Него» [Цыпин, 2009: 752]. В современных условиях угрозы такого рода могут быть актуальными, например, в рамках полемического религиозного диалога, но не партнерского, в котором внимание акцентируется не на догматических различиях, а на религиозно-нравственных сходствах, позволяющих выстраивать совместную социально полезную деятельность и смягчать конфликтные ситуации, в том числе, политического характера.

Что касается современных нормативных документов Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), необходимо отметить, что урегулирован только диалог с инославными христианами (Архиерейским Сбором РПЦ в 2000-м году принят документ «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию»¹), а разработка конфессионального документа, определяющего параметры межрелигиозного диалога, еще не состоялась. В то же время, можно выделить ряд документов, в которых затрагиваются те или иные аспекты межрелигиозного диалога (например, «Об отношении Православной Церкви к инославным вероисповеданиям и межконфессиональным организациям» 2005-го года, «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» 2008-го года и ряд других).

Заключение. Итак, межрелигиозный диалог (по крайней мере, такая его разновидность, как партнерский) является значимым интеграционным фактором в евразийском пространстве. Однако требуется дальнейшая концептуализация и разработка нормативных оснований осуществления такого диалога.

Перспективным для нормативного и концептуального обоснования межрелигиозного диалога в евразийском пространстве представляется

¹ Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840>.

полифонический подход М. М. Бахтина, согласно которому любая идея становится жизнеспособной только тогда, когда вступает в диалог с другими идеями, вербализуется, рефлексивируется Другим. Такой подход позволяет избежать опасных крайностей релятивизма и догматизма, которые «...одинаково исключают всякий спор, всякий подлинный диалог, делая его либо ненужным (релятивизм), либо невозможным (догматизм)» [Бахтин, 2002: 81].

Концептуализированный таким образом межрелигиозный диалог может стать успешной политической стратегией в контексте интеграционных процессов в евразийском пространстве.

Список литературы (References)

1. Андреева Т.А., Алексейчук И.С. Феномен географической идентификации в контексте евразийского цивилизационного пространства // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / под. ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.- Ростов-на-Дону: Вузовская книга, 2014. С. 302-307.

Andreeva T.A., Alexeychuk I.S. (2014) Fenomen geograficheskoj identifikacii v kontekste evrazijskogo civilizacionnogo prostranstva (The phenomenon of geographical identification in the context of the Eurasian civilizational space). *Eurasian integration: geostrategic aspect / ed. by Yu.M. Osipov, A.Yu. Arkhipov, E.S. Zotova*. Moscow, Rostov-on-Don: University book. P. 302-307. (In Russ.)

2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. М.: Русские словари Языки славянской культуры, 2002. 800 с.

Bakhtin M.M. (2002) Problems of Dostoevsky's Poetics. *Collected Works in 7 volumes*. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari Jazyki slavjanskoj kul'tury. 800 p. (In Russ.)

3. Боргарелло К. Евразийское пространство: проблема определения // Постсоветский материк. 2018. № 3 (19). С. 15-23.

Borgarello K. (2018) Evrazijskoe prostranstvo: problema opredelenija (Eurasian space: the problem of definition). *Post-Soviet Mainland*. No. 3 (19). P. 15-23. (In Russ.)

4. Васильев И. (свящ.). Богословские основания для межрелигиозного диалога в исламской традиции: монография. Ставрополь; Пятигорск: «ТоварищЪ», 2014. 380 с.

Vasiliev J. (2014). Theological foundations for interreligious dialogue in the Islamic tradition: a monography. Stavropol; Pyatigorsk: Tovarishh. 380 p. (In Russ.)

5. Каноны или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. Минск: Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2016. 288 с.

Kanony ili Kniga pravil svjatyh apostol, svjatyh soborov, vselenskih i pomestnyh, i svjatyh otec (2016) (Canons or the Book of Rules of the Holy Apostles, Holy Councils, Ecumenical and Local, and Holy Fathers). Minsk: Bratstvo v chest'

svjatogo Arhistratiga Mihaila. 288 p. (In Russ.)

6. Клепач А.Н. Евразийская идея: политический, идеологический, экономический, социальный феномен // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / под. ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.- Ростов-на-Дону: Вузовская книга, 2014. С. 49-54.

Klepach A.N. (2014) Evrazijskaja ideja: politicheskij, ideologicheskij, jekonomicheskij, social'nyj fenomen (Eurasian idea: political, ideological, economic, social phenomenon). *Eurasian integration: geostrategic aspect / ed. by Yu.M. Osipov, A.Yu. Arkhipov, E.S. Zotova*. Moscow, Rostov-on-Don: University book. P. 49-54. (In Russ.)

7. Марков С.А. Проблемы евразийской интеграции: конкуренция и борьба мировых проектов // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / под. ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.- Ростов-на-Дону: Вузовская книга, 2014. С. 238-240.

Markov S.A. (2014) Problemy evrazijskoj integracii: konkurencija i bor'ba mirovyh proektov (Problems of Eurasian Integration: Competition and Struggle of World Projects). *Eurasian integration: geostrategic aspect / ed. by Yu.M. Osipov, A.Yu. Arkhipov, E.S. Zotova*. Moscow, Rostov-on-Don: University book. P. 238-240. (In Russ.)

8. Мельник С. Классификации типов межрелигиозного диалога: анализ существующих подходов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 87-118. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-87-118>.

Melnik S. (2018) Klassifikacii tipov mezhreligioznogo dialoga: analiz sushhestvujushhih podhodov (A typology of interreligious dialogue: analysis of existing approaches). *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 4. P. 87-118. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-87-118>. (In Russ.)

9. Мельник С.В. Теология и межрелигиозный диалог: от полемики к сотрудничеству // Вопросы теологии. Т. 1. № 3. С. 307-333. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.302>.

Melmik S.V. (2019) Teologija i mezhreligioznyj dialog: ot polemiki k sotrudnichestvu (Theology and interreligious dialogue: from controversy to cooperation). *Issues of Theology*. Vol. 1. No. 3. P. 307-333. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.302>. (In Russ.)

10. Осипов Ю.М. Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / под. ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.- Ростов-на-Дону: Вузовская книга, 2014. С. 14-18.

Osipov Yu.M. (2014) Evrazijskaja (postsovetskaja) mezhdunarodnaja integracija kak nasushhnaja aktual'nost' (Eurasian (post-Soviet) international integration as a pressing relevance). *Eurasian integration: geostrategic aspect / ed. by Yu.M. Osipov, A.Yu. Arkhipov, E.S. Zotova*. Moscow, Rostov-on-Don: University book. P. 14-18. (In Russ.)

11. Цыпин В. (прот.) Каноническое право. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009. 864 с.

Tsy-pin V. (2009) Canon law. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja. 864 p. (In Russ.)

12. Эрдоган О. Межрелигиозный диалог в политическом процессе: история и современный контекст: автореф. дисс... канд. полит. наук. М., 2012. 24 с.

Erdogan O. (2012) Mezhreligioznyj dialog v politicheskom processe: istorija i sovremennyj kontekst (Inter-religious dialogue in the political process: history and modern context). *Abstract of the thesis of a candidate of political sciences*. Moscow. 24 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Коваль Екатерина Александровна – профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, доктор философских наук. Занимается изучением вопросов нормативности морали, права, религии. Автор более 140 научных и учебно-методических работ.

E-mail: nwifesc@yandex.ru.

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

About the author:

Koval Ekaterina Alexandrovna – doctor of philosophical sciences, professor of the department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk. Engaged in studying the problems of moral, law and religion normativity. The author of over 140 scientific and educational works.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

Поступила 27.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

Сетевой электронный научный журнал

Социальные нормы и практики / Social norms and practices

2022. Номер 3.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Главный редактор: Е.А. Коваль

Информацию о журнале «Социальные нормы и практики» см. на сайте:
<https://snpractice.ru/>